
¹ Перевод А. Сергеева (*здесь и далее прим. пер.*).

ГЛАВА 1

Один посреди бескрайней пустыни Мохаве, в два часа ночи, на скорости семьдесят миль в час, я чувствовал себя в безопасности и верил, что если и поджидали впереди ужасы, то до них оставалось еще много миль. Уже не первый раз в моей странной жизни безопасность обернулась иллюзией.

Я склонен всегда надеяться на лучшее, даже когда разъяренный трехсотфунтовый самоанский борец душит меня детской скакалкой. Между прочим, из той затруднительной ситуации я выпутался живым — в основном за счет того, что ухитрился добраться до его любимой шляпы поркпай, которая, как он верил, приносила удачу. Когда я бросил шляпу на манер фрисби, а он выпустил из рук скакалку, чтобы поймать свой головной убор, мне удалось дотянуться до крокетного молотка и удивить здоровяка ударом по гениталиям. Удар возымел поразительный эффект, поскольку на самоанце были лишь стринги. Извечная надежда на лучшее обычно меня не подводила.

Как бы то ни было, в полнолуние пустыня казалась не менее зловещей, чем пейзаж чужой планеты. Большая черная змея шоссе вилась меж некрутых подъемов и пологих спусков, по песчаным низинам, которые светились, словно от радиации, мимо неожиданно выраставших из земли нагромождений скал. Видневшиеся в них не то кварцитовые, не то какие-то другие прожилки в свете фар мотоцикла «Большой пес» вспыхивали огненными венами.

Несмотря на полную луну и три ослепительных ока мотоцикла, Мохаве утопала во тьме. Полуразличимые мескитовые деревья и заросли колючек щетинились во мраке и, казалось, так и норовили броситься на меня, словно стремительные враждебные звери, когда я мчался мимо.

8

Из-за широкого обтекателя и кофров мотоцикл «Большой пес» модели «Бульдог-нюхач» выглядел так, словно был создан для солидных семейных мужчин, но благодаря инжекторному V-образному двигателю объемом сто одиннадцать кубических дюймов выдавал скорость, которой позавидовал бы любой. Перед тем как свернуть на эту менее оживленную дорогу, я двигался по федеральной трассе, и быстрый поворот ручки газа позволял мне без труда обогнать любую легковушку или грузовик, тащившиеся впереди. Теперь я ехал на скорости семьдесят миль в час, удобно устроившись на низком сиденье. Резиновые опоры двигателя сводили вибрации к минимуму.

На мне были круглые мотоциклетные очки и углепластиковый шлем, оставлявший уши открытыми, однако завывания ветра и хриплый рев «Большого пса» заглушили звук, с которым меня нагнал «Кадиллак Эскалейд» с погашенными фарами. О своем присутствии водитель объявил оглушительным гудком, а потом врубил фары. Они вспышками отразились в моих зеркалах, и мне пришлось обернуться через плечо, чтобы увидеть: между нами не более пятидесяти футов. На таком расстоянии и на такой скорости внедорожник казался ужасающим чудищем.

Непрекращающиеся гудки наводили на мысль, что водитель либо пьян, либо под наркотой, а также что он либо поклонник агрессивного вождения, либо просто в настроении позабавиться в дурацкую игру «кто струсит первым». Просигналив первые ноты «Собачьего вальса», он слишком долго не отпускал гудок на последней, и я решил, что если человек так ведет себя, а потом не может вовремя остановиться, то вряд ли он опасный противник.

Как я успел выяснить, оптимальная скорость «Большого пса» составляла чуть больше восьмидесяти миль в час и он вполне годился для езды на сотне. Я крутанул ручку газа, и мотоцикл жадно бросился поглощать асфальт, оставив «Кэдди» позади. На некоторое время.

В Мохаве был не самый разгар сезона насекомых, так что мне не пришлось глотать мотыльков и жесткокрылых жуков, пока я бормотал ругательства. Однако

из-за того, что я сидел, напряженно выпрямившись, моя голова возвышалась над ветровым стеклом, и на той скорости, с которой я несся, теплый ночной воздух обветривал губы и жалил щеки.

Любой нормальный дерматолог отчитал бы меня за езду с открытым лицом по такой засушливой местности, но по множеству причин вряд ли можно было рассчитывать, что я отпраздную свой двадцать третий день рождения, так что перспектива выглядеть на два десятка лет старше, чем на самом деле, меня не беспокоила.

На этот раз я услышал приближение «Эскалейда». Тот ревел, словно злобный механоид из «Трансформеров». Фары были снова выключены, но водитель врубил их быстрее, чем я надеялся, и свет, вспыхнув в моих зеркалах, залил дорожное полотно вокруг.

10

Меньше пятидесяти футов.

Над внедорожником определенно поработали. Это не обычный «Кэдди», в котором мамочки возят детей на детскую площадку. Двигатель рокотал так, словно «Дженерал Моторс» выпускала «Боинги». Если «Кэдди» намеревался догнать меня и размазать по решетке радиатора — а явно так и было, — не мне соперничать с изготовленным на заказ двигателем, делавшим его королем дороги.

Автомобиль оснастили дополнительным мульти-тоновым гудком с запрограммированными отрывками знакомых мелодий, и теперь водитель громко дразнил меня началом известной песни Сонни и Шер.

«Большой пес» мог похвастать шестиступенчатой коробкой передач. Дополнительная передача и правосторонний шкив привода обеспечивали лучшую устойчивость и управляемость, чем у обычного мотоцикла. Широкая двухсотпятидесятимиллиметровая задняя шина придавала ощущение стабильности, а угол выноса вилки в тридцать четыре градуса вселял уверенность при маневрировании, хоть скорость и приближалась к трехзначному числу.

«Кэдди» исполнил первые семь нот песни «Луи Луи» группы «Кингсмен». А потом еще раз.

Моим единственным преимуществом могла стать маневренность. Я сполз пониже на сиденье, так чтобы воздух стекал по дуге ветрового стекла выше шлема, и решительно сосредоточился на трехполосном шоссе, выписывая «змейку» от одной обочины до другой. Я сидел низко над землей, а у «Эскалейда» центр тяжести располагался гораздо выше, чем у «Большого пса». Если бы водитель попытался сесть мне на хвост, внедорожник мог перевернуться.

Умный парень понял бы, что быстро догонит меня, если не станет повторять моих выкрутасов, а продолжит ехать по прямой. Не требовалось сложных расчетов, чтобы перехватить меня, пока я метался от одного края дороги к другому.

Третий сигнал «Луи Луи» возвестил о том, что водитель «Кэдди» либо не слишком умен, либо настолько пьян, что последовал бы за мной даже в огненную яму, не успев понять, что наделал. Еще один запро-

граммированный сигнал прогудел несколько нот, но я не узнал мелодию, хотя в голове всплыл образ почти забытого рокера Боя Джорджа.

Услышав визг тормозов, я оглянулся на «Эскалейд» и увидел, что тот накренился, шины задымались, а водитель резко вывернул руль вправо, чтобы избежать падения с северной обочины. Рисуя змейку по прямой автостраде, я вышел из очередного поворота, вознося благодарности справедливо расхваленному балансу «Большого пса», и тут же вошел в следующий вираж. Водитель резко свернул влево, «Кэдди», взвизгнув, оставил на асфальте полосу горячей резины, снова накренился и едва не соскользнул с южной обочины дороги, но, как было и в предыдущий раз, выровнялся, не успев опрокинуться.

12

На этот раз водитель переключился на обычный гудок, забыв о мелодиях, и просто сигналил не переставая. Видимо, думал, что сможет снести меня с мотоцикла звуковыми волнами.

Мой подробный рассказ может создать впечатление, что во время погони я оставался хладнокровным и собранным, но на самом деле я боялся, что в любой момент могу пожалеть о том, что на мне нет подгузника для взрослых.

Какие бы наркотики или напитки ни свели с ума водителя внедорожника, наполнив его кровожадной яростью, у него осталось достаточно соображения, чтобы понять: если он продолжит ехать за мной, то перевернет машину. Заняв среднюю из трех полос,

он ликвидировал отставание и собирался перехватить мотоцикл между поворотами моего равнинного слалома.

«Большой пес» модели «Бульдог-нюхач» не предназначался для кросса. Его счастливая диета состояла из бетона и асфальта, и он хотел, чтобы им восхищались за плавные аэродинамические обводы, аэрографию и обилие хрома, а не за прочность и способность уверенно продираться через дикую местность.

Несмотря ни на что, я свернул с дороги. Говорят, нужда — мать изобретений, но она еще и бабка отчаяния. Шоссе возвышалось над уровнем пустыни примерно на два фута, и я съехал с обочины на такой скорости, что мотоцикл на мгновение взлетел, прежде чем приземлиться. От удара моя задница подскочила на сиденье, а ступни выбили дробь на подножках.

Хорошо, что здешняя пустыня представляла собой не россыпь мягких песчаных дюн и мертвых озер с высохшим в порошок илом. При езде по такой поверхности «Большой пес» увяз бы уже через сотню ярдов. Спустя тысячелетия палящего солнца и эрозийных ветров земля практически затвердела: магматические породы, богатые полевыми шпатами, ни единого деревца, кое-где шалфей, мескистовые деревья и прочая чахлая растительность, более сложная для опознания.

Полноприводный «Эскалейд», возвышающийся над землей на огромных покрышках и более пригодный для езды по пересеченной местности, чем мой мотоцикл, съехал с шоссе следом за мной. Я рассчитывал

найти какой-нибудь разлом или нависающий выступ, выдающийся достаточно сильно, чтобы скрыть меня, или, возможно, неожиданную гряду скал — что угодно, чтобы мой безумный преследователь потерял меня из виду. Потом я бы выключил фары, существенно снизил скорость и, ориентируясь только на свет луны и постоянно петляя, постарался как можно быстрее увеличить расстояние между нами. Со временем я бы нашел укромное местечко, заглушил мотоцикл и стал прислушиваться и ждать.

14

Внезапно пустыню залил яркий свет. Оглянувшись, я увидел на крыше «Эскалейда» рампу с мощными прожекторами, которые водитель включил только теперь. Пустыня передо мной напоминала сцену из раннего фильма Стивена Спилберга: далекая взлетно-посадочная полоса; взволнованные обаятельные ученые из секретной правительственной организации готовятся приветствовать делегацию добрых инопланетян и их космический корабль-носитель. Однако вместо ученых и инопланетян какой-то выродок с банджо из «Избавления» преследовал меня с самыми дурными намерениями.

В этих резких и далеко бьющих потоках света даже самые мелкие колючки растений отбрасывали длинные чернильно-черные тени. Бледная земля оказалась менее ухабистой, чем я надеялся. На такой открытой равнине найти укромное местечко не легче, чем обнаружить «Макдоналдс» с детской площадкой.

Несмотря на врожденный оптимизм и даже жизнерадостность, бывали случаи вроде этого, когда перед лицом опасности и безысходности мне казалось, что весь мир — это камера смертников и что последний прием пищи и впрямь станет для меня последним.

Я продолжал двигаться на север, вместо того чтобы повернуть обратно к шоссе, уверяя себя, что не умру в этом месте, что найду впереди убежище. Мне суждено умереть примерно в тридцати милях отсюда, в городке Пико Мундо, не сегодня, а завтра, или послезавтра, или послепослезавтра. К тому же причиной моей смерти станет не «Кадиллак Эскалейд». Мой конец будет вовсе не таким легким, вовсе не настолько быстрым и чистым. Внушив себе слабую надежду, я выпрямился на сиденье и улыбнулся в пасть теплой ночи.

Пока внедорожник нагонял меня, водитель вернулся к запрограммированным сигналам. На этот раз я узнал заглавные ноты «Карма хамелеон» группы «Калчер Клуб», солистом которой был Бой Джордж. Песня показалась мне настолько уместной, что я рассмеялся, и смех воодушевил бы меня, не прозвучи он чуточку безумно.

Я и не рассчитывал, что газовые амортизаторы, прорезиненные подножки и резиновые ручки «Большого пса» внесут столь весомый вклад в езду по бездорожью. Однако еще мне упорно казалось, что я несусь напрямик к какой-нибудь механической поломке, или столкновению с невидимым камнем, из-за которого